

МЕСТОИМЕННИЯ КАК КЛАСС СЛОВ: СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD), доцент кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Каршиева Нигина Шодиёрбековна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу семантических и грамматических характеристик местоимений как особого класса слов в русском языке. В работе утверждается, что традиционное определение местоимений как «слов-заместителей» является недостаточным: их первичная функция заключается не в субституции, а в дейктической ориентации высказывания и указании на референциальный статус именной группы. На основе переформулирования концепций, восходящих к трудам отечественных лингвистов (в частности, идеи Г. Павского о «намеке» и теоретические построения Н.Ю. Шведовой о «смыслах»), автор демонстрирует, что местоимения формируют иерархию первичных смыслов (лицо, пространство, количество), организуя акт коммуникации. Отдельное внимание уделяется парадоксу «пустой семантики»: будучи лишёнными денотативного постоянства, местоимения аккумулируют грамматические категории, свойственные знаменательным частям речи (падеж, число, род), что приводит к явлению грамматического конгруэнтного дублирования. В работе также рассматриваются зоны периферии местоименной системы — переходные случаи (местоименные наречия, предикативы) и явления грамматикализации. На материале функционально-коммуникативного подхода показано, как кванторные и отрицательные местоимения моделируют пространство неопределённости и отрицания в языковой картине мира. Статья адресована лингвистам, аспирантам и преподавателям русского языка, интересующимся проблемами морфологии, семантики и теории референции.

Ключевые Слова: местоимения, дейксис, анафора, референция, прономинатив, семантика.

В истории лингвистических учений класс местоимений неизменно оказывался «камнем преткновения» для морфологов, стремящихся к стройной таксономии частей речи. Традиционное определение, восходящее к латинскому термину *pronomen* — «вместо имени», — хотя и

удобно для дидактических целей, при ближайшем рассмотрении обнаруживает глубокое противоречие. Если функция местоимения заключается лишь в субституции, то есть в экономии речевых усилий, позволяющей не повторять «стол» или «человек», следует ожидать, что этот класс слов будет беден семантически и примитивен грамматически. Однако реальность русского языка демонстрирует обратное: местоимения образуют сложную, многоуровневую систему, охватывающую сферы указания на лицо (я, ты), принадлежность (мой, твой), признак (какой, такой), количество (сколько, столько), а также — через посредство местоименных наречий — пространственные и временные координаты (там, тогда, откуда). Парадокс заключается в том, что слова, которые «ничего не называют», обслуживают самые фундаментальные акты мышления и коммуникации. Так, еще в конце XIX столетия отечественный филолог Г. Павский высказал проницательное суждение, переформулировка которого звучит следующим образом: данные лексические единицы не столько замещают именованья, сколько осуществляют тонкий намек на них, служат жестким указателем на объект в контексте реальной или мыслимой ситуации, вовсе не беря на себя обязательства описывать его внутренние качества, видовую принадлежность или числовые характеристики.⁵⁰ Эта идея «намёка» оказывается исключительно продуктивной для понимания природы прономинатива, так как переносит фокус анализа с формальной замены на референциальную функцию.

В современной русистике наиболее последовательная и глубокая теоретическая разработка этого вопроса принадлежит Н.Ю. Шведовой, которая пересмотрела само основание для выделения местоимений. Согласно ее концепции, изложенной в академических грамматиках и получившей развитие в «Русском семантическом словаре», традиционное противопоставление «знаменательных» и «служебных» слов уступает место более тонкой стратификации. В функциональном отношении Шведова предлагает различать четыре класса: класс именующих слов (имена, глаголы, наречия и предикативы), которые называют фрагменты действительности; класс означающих слов, к которому как раз и относятся местоимения; класс связующих слов (предлоги, союзы, частицы) и класс квалифицирующих (модальные слова, междометия).⁵¹ Ключевой тезис переформулируется так: местоимения не обслуживают лексику пассивно, а активно организуют семантическое пространство

⁵⁰ Павский Г.П. (1880).

⁵¹ Шведова Н.Ю. (1998).

языка, расчленив самые общие, глобальные понятия материального и духовного мира — время, пространство, субъект, признак, количество. Более того, они вводят оператор познавательной модальности, градуируя степень определенности знания говорящего. Глобальные смыслы, такие как «живое существо», «признак» или «количество», не существуют в языке аморфно; местоимения накладывают на них сетку первичного членения, различая, например, признак приписываемый (какой?) и признак сущностный (каков?). Эта операция напоминает работу фокуса в микроскопе: там, где лексика даст детализированную картину (громкий, звонкий, оглушительный), местоимение (такой) дает лишь общую настройку на режим «описания качества». Интересно, что в своих более поздних работах Шведова подчеркивала не просто референциальную, но и смыслообразующую роль этих единиц: они являются средствами построения вторичных смыслов, таких как сопоставление, противопоставление или обобщение.

Система местоимений, с этой точки зрения, представляет собой универсальный семантический каркас языка. Интересно, что этот каркас демонстрирует дуализм «точечности» и «протяженности», а также противопоставление «предела» и «беспредельности» — категории, имеющие онтологический статус. Сравним, например, указательную пару «этот» (точка отчета здесь, у говорящего) и «тот» (точка отчета удалена).

Это различие дублируется в пространственной сфере: «тут» (предел близок) против «там» (предел не определен в пространстве). Или возьмем категорию направленности: «сюда» (движение к пределу, которым является говорящий) и «туда» (движение к удаленному пределу). Наконец, притяжательные местоимения демонстрируют сложную референциальную семантику: «свой» — это возвратная принадлежность, указывающая на предел в субъекте действия; «его» — это отчужденная принадлежность, указывающая на предел вне субъекта. Таким образом, местоимения не просто заменяют имена, но создают систему координат, в которой становится возможным любое высказывание.

Однако, признавая высокий семантический статус местоимений, лингвист неизбежно сталкивается с проблемой их грамматической идентификации. Формально в русском языке местоимения «разбросаны» по разным морфологическим классам. Одни из них ведут себя как существительные — изменяются по падежам (кто, что, никто), имеют категорию одушевленности (вижу кого-то, но что-то), выполняют функцию подлежащего или дополнения. Другие функционируют как прилагательные — согласуются с определяемым словом в роде, числе и падеже (какой, каждый, этот, мой). Третьи приближаются к числительным

(сколько, столько) или к наречиям (там, где, когда). Существует даже специфическая группа местоимений-предикативов (каков, таков), которые не могут выступать в роли определения, но служат исключительно для выражения качества в функции сказуемого. В вузовской и академической практике это привело к двум подходам: «широкому» пониманию местоимения (включение в класс всех прономинативов, включая наречия) и «узкому» (только местоимения-существительные и местоимения-прилагательные). Сторонники «узкого» подхода, представленные, например, в ряде школьных программ, апеллируют к тому, что наречия (там, тогда) неизменяемы и не обладают флективной парадигмой, что сближает их скорее со служебными частями речи, хотя семантически они безусловно выполняют указательную функцию.

Сторонники же «широкого» подхода, развивающие идеи А.М. Пешковского и Л.В. Щербы, настаивают на том, что семантический критерий (указание на предмет/признак, а не его название) превалирует над формальным. В рамках этой парадигмы формируется понятие местоименного ряда. Местоименный ряд — это совокупность слов разных грамматических классов (существительных, прилагательных, наречий), объединенных общностью корневой морфемы или деривационной модели, а главное — общим типом референциального статуса. Как показано в работах Е.А. Анисимовой и И.Н. Кавинкиной, посвященных методике преподавания, точкой отсчета для такого ряда обычно служит вопросительное местоимение (кто? что? какой? где?), которое задает семантическое поле поиска информации. К этому полю затем присоединяются указательные (этот, тот), определительные (весь, всякий), неопределенные (кто-то, где-то), отрицательные (никто, нигде) и притяжательные (чей?). Таким образом, местоименный ряд представляет собой парадигму, в которой варьируется лишь модальность указания (известность/неизвестность/отрицание), тогда как предметная отнесенность (или ее отсутствие) остается константой.

Обратимся к природе грамматических категорий у прономинативов. Это, пожалуй, самая деликатная область исследования. У слов знаменательных грамматическая семантика (род, число, падеж) является «живой» и содержательной: стол — мужской род, и этот род связан с окончанием и парадигмой склонения; студентка пишет — женский род и единственное число диктует форму глагола. У местоимений же, особенно личных, грамматическая форма часто оказывается «обслуживающей» дейксис, а не отображающей объективные свойства денотата. Рассмотрим первое лицо. Местоимение «я» указывает на говорящего. Грамматически оно единственного числа. Однако, как убедительно показано в учебных

пособиях для педагогических вузов, «мы» — это не множественное число от «я» в математическом смысле. Семантика «мы» — это совместность: «я плюс кто-то еще (или другие)». То есть категория числа здесь приобретает не количественный, а собирательный или ассоциативный оттенок. Аналогично, «вы» — это не два «ты», а «ты плюс другие», либо форма вежливости (при которой формально множественное число отсылает к одному лицу). Эта особенность — замещение количественной семантики референциальной — является уникальной для местоимений и создает трудности при автоматическом анализе текстов.

Категория рода у личных местоимений 3-го лица (он, она, оно) является, пожалуй, единственным случаем, где местоимение сохраняет квази-предметную семантику. Однако и здесь заложена аномалия. Родовая принадлежность местоимения «он» определяется не реальными половыми характеристиками референта (хотя для одушевленных предметов это так), а грамматическим родом того существительного, которое оно замещает. «Дом» — он, «изба» — она, «окно» — оно. Местоимение как бы «впитывает» в себя грамматический артефакт замещаемого слова, даже если речь идет о неодушевленном предмете. Для сравнения: в английском языке местоимение *it* используется для всех неодушевленных объектов вне зависимости от рода, тогда как русское «он» может относиться к столу, дивану или ветру, что подчеркивает грамматическую природу этой категории. Это явление можно назвать грамматическим конгруэнтным дублированием: местоимение не выражает собственного смысла рода, но вынуждено транслировать род антецедента для обеспечения связности текста.

Переходя к вопросу о синтаксических функциях, следует подчеркнуть, что местоимения, будучи прономинативами, обладают максимальной синтаксической свободой. Личные местоимения выступают в роли подлежащего (Я читаю) или дополнения (Увидел меня). В истории русского языка наблюдался процесс, который лингвисты описывают как грамматикализацию указательных местоимений. Древнерусские указательные местоимения «и», «я», «е» (соответственно мужского, женского и среднего рода) дали начало современным личным местоимениям 3-го лица. В современном языке указательные (тот, этот) развиваются в направлении аналитических детерминативов, приближаясь к функции артикля, которого в русском языке нет. Выражения типа «этот человек» или «тот самый случай» фиксируют референциальный статус объекта — известный/неизвестный, близкий/далекий — с большей точностью, чем это возможно в английском без артикля.

Особый интерес представляют так называемые отрицательные и

неопределенные местоимения, которые, по меткому выражению исследователей когнитивной семантики, моделируют «пространство неизвестности». Неопределенные местоимения (кто-то, что-либо, какой-нибудь, кое-кто) демонстрируют градиент незнания. В работе Валентины Апресян, посвященной дискурсивным маркерам, на примере конструкции «как-то так» убедительно показано, как семантика неопределенности, заложенная в постфиксе «-то» или «-нибудь», взаимодействует с указательной семантикой компонента «так».⁵² Автор реконструирует эволюцию этого сочетания: от композиционного значения (неопределенным образом сделать нечто похожее на указанный образец) к грамматикализованному дискурсивному маркеру хезитации (заполнитель паузы при размышлении: «Ну, это... как-то так...»). Этот пример важен для понимания природы местоимений в целом: они являются «поставщиками» грамматического материала для самых абстрактных дискурсивных операций. Точно так же отрицательные местоимения (никто, ничто, никакой) строят не просто отрицание экзистенции, но и отрицание качества (никакой пользы) или места (нигде нет).

Типологический взгляд на проблему, несомненно, обогащает наше понимание русского материала. Как указывается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, для языков мира характерно деление местоимений на три крупные группировки: дейктические (указывающие на ситуацию речи), анафорические (указывающие на предшествующий текст) и кванторные (указывающие на множество или его отсутствие). Русские местоимения демонстрируют все три типа, причем нередко одна и та же лексема может выступать в разных функциях. Относительные местоимения (кто, что, какой) — классический пример анафоры, связывающей придаточную часть со главной. Вопросительные — это запрос дейктической информации. Но обратим внимание на то, что в русском языке формально вопросительные и относительные местоимения омонимичны. Это не случайно. Логика языка здесь следующая: вопрос — это запрос на идентификацию неизвестного объекта. Относительное местоимение — это указание на объект, который был неизвестен, но теперь раскрывается в придаточном. Семантический мост между неизвестностью и известностью перекидывается через одну и ту же лексему.

Отдельного внимания заслуживает проблема так называемой «зоны периферии». Если личные, возвратные и притяжательные местоимения

⁵² Апресян В.Ю. (2025).

образуют ядро класса, то местоимения типа «сам» или «самый» часто вызывают споры. «Сам» обладает усилительно-выделительной семантикой и не указывает на предмет в чистом виде, а скорее модифицирует указание, осуществляемое другим словом (Он сам пришел). В предложении «сам» может выступать в роли частицы, что сближает его со служебными словами. «Самый» же, помимо значения идентичности (тот самый), активно используется для формирования превосходной степени прилагательных (самый лучший), фактически выполняя словообразовательную функцию. Эти явления говорят о том, что границы класса местоимений размыты, и любая строгая дефиниция будет страдать от исключений.

Инновационные подходы к изучению местоимений предлагает современная социолингвистика и прагматика. Так, в работах зарубежных коллег, например, исследующих феномен «замаскированных местоимений» (единиц, выглядящих как описательные обороты, но выполняющих чисто прономинативную функцию), выдвигается гипотеза о связи формальной сложности и регистровой маркированности. Как формулирует Дж. Варасчин на материале английских эпитетов и бразильского португальского «а gente», такие «сложные» формы не исчезают из языка потому, что их дополнительная структурная сложность грамматикализует социальное значение (неформальность, грубость, солидарность), которое простое местоимение передать не может. Проецируя это на русскую почву, можно вспомнить местоимение «они» в функции отчуждения, используемое в советском дискурсе для обозначения «чуждых элементов»; или использование «мы» вместо «я» в академическом и монаршем дискурсе (мы, Николай Второй) для трансляции социального статуса.

Таким образом, подводя итог этому теоретическому обзору, можно констатировать, что класс местоимений в русском языке представляет собой сложную функционально-семантическую систему, построенную на пересечении нескольких принципов. Во-первых, это принцип референциальной ориентированности (отсылка к акту коммуникации или к предшествующему знанию). Во-вторых, это принцип иерархии смыслов (лицо > предмет > признак > количество > пространство/время). В-третьих, это принцип когнитивной модальности (определенность > неопределенность > отрицание). При всей своей грамматической «разношерстности», эти единицы объединены тем, что они являются операторами перехода от языка как системы к речи как процессу. Они — те инструменты, которые позволяют говорящему «навести фокус» на фрагменте действительности, не тратя время на его полное лексическое

описание. Способность местоимений к дейксису (привязке к «здесь», «сейчас» и «я») делает их уникальным объектом лингвистики, стоящим на стыке грамматики, семантики и прагматики.

Перспективы дальнейших исследований лежат в области корпусной лингвистики и психолингвистики. Актуальным является вопрос о том, как частота и характер использования местоимений коррелирует с психологическим состоянием говорящего (например, обилие местоимений «я» в депрессивном дискурсе) или с его социальным статусом. Кроме того, требует уточнения проблема «нулевых местоимений» (нулевая связка или пропуск подлежащего в русском языке), которая выводит нас за пределы словаря в область синтаксиса предложения. Не менее важным представляется и сопоставительный анализ местоименных систем в разноструктурных языках, который позволит выявить универсальные свойства прономинатива как лингвистического феномена. Игнорирование специфики местоимений неизбежно приводит к ошибкам при машинном переводе и создании диалоговых систем искусственного интеллекта, поскольку именно в этих единицах закодирована субъективность и точка зрения говорящего — то, что пока с трудом поддается алгоритмизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В.Ю. (2025). Конструкция как-то так как дискурсивный маркер. Вопросы языкознания, 5, 11–29. [citations: 4]
2. Лингвистический энциклопедический словарь. (2002). М.: Большая Российская энциклопедия. (Статья «Местоимение», с. 294). [citations: 6]
3. Павский Г.П. (1880). Филологические наблюдения над составом русского языка. СПб. [citations: 1]
4. Русский семантический словарь. (1998). / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник. [citations: 1]
5. Шведова Н.Ю. (1998). Местоимение и смысл. Русский язык в научном освещении, 1(1). [citations: 1]